

Young & Free

Моника Хессе

Девушка
в голубом
пальто

like
book

Москва
2019

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
X40

Monica Hesse

GIRL IN THE BLUE COAT

Copyright © Monica Hesse, 2016

This edition published by arrangement with Curtis Brown Ltd.
and Synopsis Literary Agency

Перевод с английского *Елены Фрадкиной*

Художественное оформление *Петра Петрова*

Хессе, Моника.

X40   *Девушка в голубом пальто / Моника Хессе ;*
[пер. с англ. Е. Фрадкиной]. — Москва : Эксмо,
2019. — 320 с. — (Young & Free).

ISBN 978-5-04-098610-1

Амстердам, 1943 год. Юная Ханнеке помогает жителям города с провизией. Она не просто продавец, а настоящий искатель сокровищ — ей нравится, что можно быть полезной в столь страшное время. Однажды работа приводит ее в дом фру Янссен: женщина в отчаянии просит, чтобы ей помогли отыскать пропавшего подростка. С этого момента жизнь Ханнеке меняется. Чем глубже она погружается в расследование, тем яснее осознает все ужасы нацистской военной машины. А впереди ее еще ждут испытания.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

- © Фрадкина Е., перевод на русский язык, 2018
- © Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-098610-1

Э то было задолго до того, как умер Бас. Мы с ним поспорили: кто виноват в том, что он в меня влюбился? «Это твоя вина, — сказал он. — Потому что ты привлекательная». Я ответила, что он не прав: несправедливо обвинять меня в том, что он влюбился.

Я помню весь этот разговор. Мы сидели у него дома в гостиной и слушали радио. А еще я натаскивала его к экзамену по геометрии, который не особенно нас волновал. Американская певица Джуди Гарленд пела: «Ты заставила полюбить тебя» — и с этого начался наш спор. Бас сказал: «Ты заставила полюбить тебя». Я подняла его на смех, поскольку мне не хотелось, чтобы он заметил, как сильно бьется мое сердце. Это было от того, что он поставил рядом слова «полюбить» и «тебя».

Затем он обвинил меня в том, что хочет поцеловаться. А я сказала, что если позволю, то виноват будет он. И тут в комнату вошел его старший брат и заявил: «Вы оба виноваты в том, что у меня вянут уши от ваших разговоров».

И только позже, по дороге домой (тогда можно

Моника Хессе

было идти домой, не опасаясь, что остановят солдаты, или что я пропущу комендантский час, или что меня арестуют), я вспомнила, что ничего не ответила. Он впервые признался в любви, а я забыла ответить.

Мне следовало это сделать. Если бы нам было известно все, что случится, и все, что мне откроется о любви и войне, я бы обязательно ответила.

Это моя вина.

Январь 1943

Глава 1

Вторник

— *П*ривет, красотка. Что там у тебя? Есть что-нибудь хорошее для меня?

Я останавливаюсь, потому что солдат молод и красив, и у него приятный голос. А еще потому, что с ним было бы очень весело на дневном сеансе в кино.

Это ложь.

Я останавливаюсь, потому что от этого солдата может быть польза; потому что он может достать вещи, которые теперь нигде не достанешь; потому что ящики его комода, наверное, набиты плитками шоколада и носками без дырок на пальцах.

Но на самом деле и это неправда.

Впрочем, порой я игнорирую правду, поскольку легче считать, что я принимаю решения по разумным причинам. Легче притворяться, будто у меня есть выбор.

Я останавливаюсь, потому что на солдате зеленая форма. Да, вот единственная причина, по которой я останавливаюсь. Потому что его форма зеленая. А это значит, что у меня совсем нет выбора.

— Как много пакетов для такой хорошенькой девушки!

Он говорит по-голландски с легким акцентом, но меня удивляет, что он так хорошо владеет языком. Некоторые солдаты из Зеленой полиции совсем не владеют голландским. Их раздражает, когда мы не совсем бегло говорим по-немецки. Как будто мы должны были всю жизнь готовиться к тому дню, когда они оккупируют нашу страну!

Я останавливаюсь, но не слезаю с велосипеда.

— Пакетов как раз столько, сколько нужно.

— А что в них? — Он запускает руку в корзину, прикрепленную спереди.

— Вам бы хотелось взглянуть? Вам бы хотелось открыть *все* мои пакеты? — Я издаю смешок и опускаю ресницы, чтобы он не заметил, что это хорошо отработанная фраза. Я принимаю такую позу, что платье поднимается выше колена. И солдат это замечает. Платье темно-синее и поношенное. Ему немало лет — оно еще довоенное. Теперь оно стало мне тесновато. Я слегка изгибаюсь, и подол едет еще выше, обнажая бедро, покрытое гусиной кожей.

Было бы хуже, если бы солдат был старше, с морщинами или с испорченными зубами, или с обвислым животом. Да, было бы хуже, но я бы все равно с ним флиртвала. Я проделывала это много раз.

Девушка в голубом пальто

Он наклоняется ниже над рулем. У него за спиной темнеет Херенграхт¹, от которого воняет рыбой. Я могла бы столкнуть его в канал. И успела бы проехать полпути до дома на своем старом велосипеде, прежде чем он бы оттуда выбрался. Я люблю играть в такую игру с каждым Зеленым полицейским, который останавливает меня. *Как мне тебя наказать? И как далеко я бы уехала, прежде чем ты меня бы поймал?*

— Это книга, которую я везу домой, моей маме. — Я указываю на первый пакет, завернутый в бумагу. — А это картофель нам на ужин. А это свитер, который я только что забрала из починки.

— Ное heet je? — спрашивает он. Он спрашивает мое имя небрежным тоном. Так спрашивает самоуверенный парень на вечеринке имя у некрасивой девушки. Мне становится легче, потому что я предпочитаю, чтобы он интересовался мной, а не пакетами в корзине.

— Ханнеке Баккер. — Нет никакого смысла лгать: ведь теперь все мы в обязательном порядке имеем при себе удостоверение личности. — А как *ваше* имя, солдат?

Он выпячивает грудь, когда я называю его солдатом. Молодые влюблены в свою форму. Солдат обрадовался, и я заметила, как у него на шее блеснуло золото.

— А что в вашем медальоне? — интересуюсь я.

---

¹ Один из четырех основных каналов Амстердама. (*Здесь и далее примеч. перев.*)

Он перестает усмехаться, и его рука взлетает к медальону, который вылез из-под воротника. Медальон золотой, в форме сердечка. Вероятно, в нем фотография немецкой девушки с лицом, как яблочко, которая живет в Берлине. Она поклялась ему в верности. Это рискованный вопрос, но если я угадала, все кончится хорошо.

— Фотография вашей матери? Должно быть, она *очень* вас любит, раз подарила такой красивый медальон.

Его лицо заливается краской, и он засовывает медальон под накрахмаленный воротник.

— Или вашей сестры? — настаиваю я. — Или вашей любимой маленькой собачки? — Тут важно не переборщить. Мои слова должны быть достаточно наивными (чтобы он не разозлился), но в то же время достаточно наглыми (чтобы он предпочел не рыться в моей корзине). — Я не видела вас прежде, — продолжаю я. — Вы каждый день стоите на посту на этой улице?

— У меня нет времени на таких глупых девчонок, как ты. Езжай домой, Ханнеке.

Я кручу педали, и руль лишь слегка дрожит. В основном я сказала ему правду насчет моих пакетов. В первых трех действительно книга, свитер и несколько картофелин. Но под картофелем — на четыре талона сосисок, купленных на продуктовую карточку покойника; а под ними — помада и лосьоны, купленные на промтоварную карточку другого покойника. А еще ниже — сигареты и алкоголь, купленные на деньги, которые господин Крёк, мой

Девушка в голубом пальто

хозяин, выдал мне сегодня утром для этой цели. Ни одна из этих вещей мне не принадлежит.

Большинство людей назвало бы меня торговкой с черного рынка. Я же предпочитаю считать себя искателем. Я нахожу разные товары: картофель, мясо и лядр. Вначале мне удавалось находить сахар и шоколад, но в последнее время с этим стало труднее, и я могу лишь изредка раздобыть их. Я нахожу чай. Я нахожу бекон. Богатые люди Амстердама благодаря мне не худеют. Я нахожу вещи, без которых нас заставили обходиться. Нужно только знать, где искать.

Жаль, что солдат не ответил на последний вопрос. Потому что, если это его новый пост и он стоит на углу каждый день, придется либо подружиться с ним, либо изменить маршрут.

Моя первая доставка сегодня была к Фрёкен Аккерман. Она живет вместе с бабушкой и дедушкой в одном из старых зданий возле музея. Лосьоны и помада предназначены для нее. На прошлой неделе это были духи. Она одна из тех немногих женщин, которых все еще весьма интересуют такие вещи. Правда, как она мне однажды сказала, она надеется, что бойфренд сделает ей предложение еще до ее следующего дня рождения. Люди тратили деньги и на более странные вещи.

Фрёкен Аккерман открывает дверь. Ее мокрые волосы накручены на бигуди. Наверное, сегодня вечером у нее свидание с Тео.

— Ханнеке! Зайдите, я сейчас возьму кошелек. — Она всегда находит предлог, чтобы пригласить меня

в дом. Наверное, ей скучно — ведь она проводит целый день со своими стариками, которые очень громко говорят и от которых пахнет капустой.

В доме спертый воздух и слабое освещение. Дедушка фрёкен Аккерман сидит за завтраком на кухне — его видно в открытую дверь.

— Кто пришел? — кричит он.

— Это доставка, дедушка, — бросает через плечо фрёкен Аккерман.

— Кто-кто?

— Это *ко мне*. — Она понижает голос. — Хан-неке, вы должны мне помочь. Тео придет вечером, чтобы спросить у дедушки с бабушкой разрешения на мой переезд в его квартиру. Мне нужно решить, что надеть, и я хочу с вами посоветоваться.

Я не могу вообразить такое платье, которое убедило бы стариков одобрить решение внучки жить вместе с бойфрендом до свадьбы. Правда, война не впервые заставляет молодую пару пренебречь традициями.

Когда фрёкен Аккерман возвращается в прихожую, я притворяюсь, будто внимательно рассматриваю два платья, которые она купила. Но на самом деле я смотрю на часы на стене: у меня нет времени для светского общения. Посоветовав надеть серое, я протягиваю пакеты, которые так и держу в руках.

— Это ваши. Вы не хотите убедиться, что все в порядке?

— Я уверена, что все хорошо. Выпьете кофе?

Я и не думаю спрашивать, настоящий ли он. У нее мог быть настоящий кофе, только если бы его

Девушка в голубом пальто

принесла я. Но я не приносила, так что она имеет в виду молотые желуди. Эрзац.

Я отказываюсь от кофе по той же причине, по которой не соглашаюсь называть ее Ирен, несмотря на неоднократные предложения. Дело в том, что я не хочу, чтобы она путала наши отношения с дружбой. Мне не хочется, чтобы она однажды не заплатила и считала, что это не важно.

— Я не могу. У меня еще одна доставка до ланча.

— Вы уверены? Вы могли бы поесть со мной — я как раз собираюсь готовить. А потом мы бы решили, какую прическу мне сделать на вечер.

У меня с моими клиентами странные отношения. Они полагают, что мы товарищи, так как нас связывает секрет. Ведь мы делаем вместе что-то незаконное.

— Я всегда возвращаюсь к ланчу домой и ем с родителями, — говорю я.

— Конечно, Ханнеке. — Она смутилась от того, что слишком далеко зашла. — Ну что же, тогда до встречи.

Снаружи пасмурно, небо покрыто облаками. Я еду по узким улочкам зимнего Амстердама. Амстердам построен на каналах. Земля в Голландии низкая — даже ниже уровня океана. Столетия назад фермеры создали сложную систему водных путей — просто чтобы не дать голландцам утонуть в Северном море. Мой старый учитель обычно сопровождал этот кусок нашей истории популярной

пословицей: «Бог создал мир, а голландцы создали Нидерланды». Он говорил об этом с гордостью, но для меня эта поговорка была и предостережением: «Не надейся, что кто-нибудь придет и спасет нас. Мы здесь одни».

Два с половиной года назад, в начале оккупации, немецкие самолеты бомбили Роттердам, который находится в семидесяти пяти километрах к югу от Амстердама. Они убили девятьсот гражданских лиц и разрушили много зданий. Через два дня немцы прибыли в Амстердам пешком. Теперь приходится мириться с их присутствием, но нам нужно сохранить свои дома. Это никудышный обмен. В эти дни все обмены никудышные — если только вы, в отличие от меня, не знаете своей выгоды.

До моей следующей клиентки, фру Янссен, совсем близко. Она живет в большом синем доме. Раньше она жила там вместе с мужем и тремя сыновьями. Но потом один сын переехал в Лондон, другой в Америку, а третий, самый младший в семье, отправился на фронт. Там было убито две тысячи голландских военнослужащих при безуспешной попытке защитить наши границы. Страна пала в течение пяти дней. Мы больше не говорим с фру Янссен о Яне.

Интересно, был ли он рядом с Басом во время вторжения.

Меня интересует все, что связано с последними минутами мальчика, которого я любила. Был ли Ян с Басом или Бас умер один?

Девушка в голубом пальто

Муж фру Ханссен исчез в прошлом месяце, как раз перед тем, как она стала моей клиенткой. Я никогда не спрашиваю ее об этом. Он мог участвовать в Сопротивлении или просто оказался не в том месте не в то время. Впрочем, может быть, он и не умер, а пьет «большой чай»¹ в Англии вместе со своим старшим сыном. В любом случае это не мое дело — я только кое-что достаю для фру Янссен. Я немного знала ее сына Яна. Это был поздний ребенок. Он родился через двадцать лет после своих братьев, когда Янссены уже были седыми и сторбленными. Ян всегда казался милым мальчиком.

Сейчас я решаю, что Ян был возле Баса, когда немцы вторглись в нашу страну. Да, я поверю, что Бас не умер в одиночестве. Обычно я не позволяю себе такие оптимистичные мысли.

Фру Янссен ждет у двери, и это сердит меня. Что бы вы подумали о старухе, поджидающей девушку на велосипеде, если бы были немецким солдатом, который обязан замечать все подозрительное?

— Доброе утро, фру Янссен. Вам не следует стоять здесь и ждать меня. Как у вас дела?

— Прекрасно! — звучно отвечает она, как будто произнося театральную реплику на сцене. Она нервно тербит белые пряди, выбившиеся из узла. Фру Янссен всегда закручивает волосы узлом, а очки вечно соскальзывают у нее с носа. Ее одежда вызы-

---

¹ Ранний плотный ужин с чаем в северной части Англии и в Шотландии.